

О.И. Сенковский

Собрание сочинений

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
О-11

О-11 **О.И. Сенковский**
Собрание сочинений: Том 7 / О.И. Сенковский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 644 с.

ISBN 978-5-458-01726-8

История, древности, этнография. Филология. Словесность древняя и восточная.

ISBN 978-5-458-01726-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лучшихъ классическихъ изданій, съ превосходными примѣчаніями по части филологической критики, съ особенными разсужденіями о главнѣйшихъ историческихъ вопросахъ, относящихся къ предмету, съ родословными таблицами, реестрами именъ и словъ, и прочая.

Во-первыхъ, это—не *Шейбаниада*, ни въ серіозномъ, нивъ насмѣшливомъ смыслѣ подобнаго слова— не поэма въ родѣ «Иліады», «Энеиды», «Лузіады», «Генріады», «Аргениды» или «Телемахиды,»— не условнаго вида эпоса, и не народная рапсодія. Простая родословная потомковъ Шейбани-Хана, внука Чингисхана и меньшаго брата Батыева, написанная дурной прозой, на грубомъ нарѣчій и безграмотнымъ перомъ, безспорно, не заслуживала, ни такой чести, ни такого сарказма. Но, послѣ *Дербендъ-намэ*, или «Книги о Дербендѣ», прозванной господиномъ Березинымъ *Дербендіадою*, это уже не столько поразительно: мы знаемъ, что «путешественникъ по Востоку» не можетъ говорить о вочточныхъ предметахъ безъ особеннаго расположенія къ шутливости, къ насмѣшкѣ, къ карикатурѣ.

Во-вторыхъ, это не *Исторія Монголо-Турковъ* или *Турковъ*, а сокращеннос, изъ другихъ, давно и совершенно извѣстныхъ исторій, очень неисправное и неискусное начертаніе происхожденія великаго героя монгольской степи, Темуджина Чингисхана, и происхожденія отъ него, черезъ одного изъ изъ внуковъ, основателя нынѣшней узбекской державы въ Бухаріи и Хивѣ.

Этотъ предводитель горсти буйнаго степнаго

сброда нѣсколькихъ сборныхъ улусовъ, отложившихся отъ распавшейся и уже истлѣвающей Золотой Орды, лѣтъ сто послѣ Тохтамыша въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, носилъ въ Киргизской Степи имя *Шайбакъ*, или *Шибакъ-Ханъ*. Оно было, какъ кажется, очень обыкновеннымъ именемъ между Татарами царствъ астраханскаго и казанскаго: это видно изъ сохраняющихся донинѣ прозваній *Шибакевичъ*, *Шибакевичъ*, *Шибакевскій*, весьма несма нерѣдкихъ между потомками Тохтамышевыхъ Татаръ, добровольно бѣжавшихъ въ Литву, или взятыхъ военнымъ путемъ и поселенныхъ тамъ насильно литовскими государями, которые многимъ изъ нихъ даровали впоследствии права дворянства. Когда Европа праздновала изгнаніе бусурманъ изъ Испаніи и дивилась чуднымъ рассказамъ объ открытіи Новаго свѣта, съ золотыми городами, съ алмазными горами, съ фруктовыми деревьями, на которыхъ вмѣсто яблокъ рождаются красныя дѣвицы, Средняя Азія трепетала передъ непоэтическимъ, пошлымъ именемъ одного изъ такихъ *Шибаковъ*, страшнаго наѣздника, грабителя, завоевателя, вдругъ нахлынувшаго съ толпами хищныхъ головорѣзовъ, неслыханныхъ до того людей турецкой породы, на промышленную и цвѣтущую Бухарію, на Харазмъ, или нынѣшнее мивянское владѣніе, на Хорасанъ и Кандагаръ. Эти люди называли себя *Узъ-беками*, что значитъ *сами себя господа*.

Степь была въ то время наполнена вольными «гусями», гусаками, или, по-словацки, гусарами, *казакъ*, сбродомъ разныхъ кочующихъ хищниковъ,

обломками разстроенныхъ поколѣній, ускользнувшими изъ-подъ власти двухъ великихъ монгольскихъ ордъ, тогда уже пришедшихъ въ совершенный упадокъ, Кипчацкой или Золотой Орды, удѣла потомковъ Джучія, старшаго сына Чингисхана, Джагатайской или Синей, удѣла втораго Чингисханова сына, Джагатая. Эти шайки, вскорѣ сдѣлавшіяся корнями многочисленныхъ поколѣній большаго нынче народа Киргизъ-Казаковъ, бродяжничали и разбойничали въ пустынь — что учтивѣе называлось у нихъ: жить вольнымъ гусемъ, гусарить, *казакламакъ* — слово, которое Баберъ-шахъ много разъ употребляетъ въ своихъ запискахъ — подъ предводительствомъ независимыхъ бековъ, готовыхъ въ случаѣ особенныхъ удачъ и приобрѣтенія власти надъ сосѣдами, тотчасъ принять титулъ ханскій и чваниться происхожденіемъ отъ *кости* Джучія, основателя Золотой Орды, отца Батыя и Шейбана.

Шибакъ принадлежалъ къ разряду такихъ же удалцовъ. Впрочемъ уже дѣдъ его Абульхайръ пользовался извѣстностью и нѣкоторымъ значеніемъ въ степи, какъ начальникъ особеннаго рода вольныхъ «гусей», именовавшихся Узбеками. Уже Абульхайръ величалъ себя ханомъ, и властвовалъ надъ нѣсколькими поколѣніями, или улусами. Въ какой степени принадлежалъ онъ къ царственному дому Батыя, это рѣшить очень трудно. Можно даже, безъ большаго грѣха передъ исторіей, принять за фактъ, совершенно правдоподобный по коренной невѣрности степныхъ родовыхъ сказаній, что онъ вовсе не принадлежалъ къ этому дому,

ли прямо, ни косвенно. Но когда его внукъ, Шибакъ-Ханъ, овладѣлъ Зарѣчьемъ, то есть Бухаріей и Хивою, и простеръ завоеванія свои по южную сторону рѣки Аму, до Герата и Мерва, грамотные льстецы двора грознаго Узбека должны были придумать благопристойную, если не блестящую, родословную, которая новаго татарскаго владыку связала бы по-крайней-мѣрѣ съ знатною «костью» Чингисхана. При этомъ случаѣ, по обыкновенію Востока, имя его *Шибакъ* подверглось страшной корнесловной пыткѣ въ рукахъ узбекскихъ и сартскихъ этимологовъ. *Шибакъ* явственно—сокращеніе двухъ словъ *шейхъ* или *шукъ* и *Ибакъ* имени

большаго труда стоило придумать десятокъ никому неизвѣстныхъ предковъ, для связанія рода Шибани-Хана съ братомъ владыки Золотой Орды. Во всякомъ случаѣ, усиліе вывести степнаго Шибакъ отъ Шейбана, царевича Золотой Орды, показываетъ чрезвычайную сомнительность породы узбекскаго завоевателя, когда честолюбіе его удовлетворялось происхожденіемъ отъ одной изъ младшихъ линій дома Джучія и Батыя, линія невластительной, отдѣленной отъ ханскаго престола пятнадцатю или двадцатю колѣнами и, слѣдственно, перешедшей уже въ разрядъ обыкновеннаго дворянства.

Книга о родѣ Шейбани, *Шейбани-намэ*, или, по переводу г. Березина, *Шейбаниада*, грубая и ничтожная компиляція, составленная вскорѣ послѣ смерти Шибакъ-Хана, не представляетъ другой цѣли, какъ доказать это скромное происхожденіе, которымъ, видно, очень дорожили при узбекскомъ дворѣ, не имѣя въ виду ничего лучшаго. Для болѣе пышности дѣла, родословная—потому-что это чисто и существенно простая родословная одного только княжескаго рода Киргизской Степи, а не *исторія Монголо-Турковъ*—начинается по мусульманскому обычаю съ Ноя и Гафета, чтобы перейти отъ нихъ къ Чингисхану, а черезъ него къ Джучію, Батыю и царевичу Шибану. Отъ этого, *reg fas et nefas*, плетется она къ Абульхайру, дѣду Шибакъ, и поспѣшно оканчивается смертью узбекскаго героя въ сраженіи съ Персіянами, не войдя даже въ подробности объ его личныхъ подвигахъ или о событіяхъ его царствованія.

Для меня сомнительно, можно ли даже сказать, что «Книга о родѣ Шейбани» писана на *джагатайскомъ діалектѣ*. Если выраженіе «*джагатайскій діалектъ*» должно означать тотъ татарскій діалектъ обширнаго турецкаго языка, на которомъ говорили Турки, пришедшіе и поселившіеся на Зарѣчьѣ съ Джагатаемъ — который употреблялся при дворахъ государей отъ его рода въ Ташкендѣ, Самаркандѣ, Ургенджѣ, Гератѣ, Балхѣ — на которомъ писали Алиширъ и Баберъ-шахъ, то «Книга о родѣ Шейбани» вовсе не принадлежитъ къ литературѣ этого діалекта, довольно образованнаго и обдѣланнаго. Эти Турки ушли съ Баберомъ или за нимъ отъ узбекской грозы въ Кабулъ и Индію, гдѣ геній его создалъ для нихъ новую державу, знаменитую имперію Великаго Монгола. Они унесли съ собою и свой джагатайскій діалектъ, на которомъ Баберъ сочинялъ въ Дегли Записки, достойныя стоять на ряду съ «Комментаріями Юлія Цезаря» и, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ отношеніяхъ, несравненно важнѣе «Меморіала Острова Святой Елены». Юртъ, или удѣлъ Джагатая, былъ разоренъ, уничтоженъ, разсѣянъ новыми пришельцами. Въ Зарѣчьѣ, отъ береговъ Сыра до Аму, мѣсто джагатайскаго діалекта занялъ діалектъ Узбековъ, людей явственно чуждыхъ Джагатайской Ордѣ, когда ихъ предводители выводили себя отъ царевича Кипчакской или Золотой Орды. «Книга о родѣ Шейбани» писана, слѣдственно, не на *джагатайскомъ діалектѣ*, а просто на узбекскомъ или, если угодно, на *кипчакскомъ*, по названію удѣла, изъ котораго вы-

шелъ этотъ діалектъ. Это, въ грубомъ зародышѣ, тотъ же самый діалектъ, на которомъ впослѣдствіи писалъ хивинскій ханъ Абулгази, Узбекъ, натертый персидскою образованностью и изъяснявшійся на языкѣ, уже болѣе усовершенствованномъ. Во всякомъ случаѣ, языкъ «Книги о родѣ Шейбани» далеко не языкъ поэта Алишира и не языкъ полководца Бабера.

Какъ исторія Монголовъ или, на крайній конецъ, Турковъ, то есть Татаръ—въ этомъ осмѣлюсь я существенно разногласить съ мнѣніемъ ученаго казанскаго оріенталиста—«Книга о родѣ Шейбани» не имѣетъ рѣшительно никакой важности, ни маглѣйшаго лѣтописнаго или историческаго интереса. Но она очень любопытна по одному качеству своему, которое, когда я назову его, можетъ изумить г. Березина, ищущаго въ ней положительной исторіи. Она очень любопытна какъ образчикъ баснословія, какъ отрывокъ мифологіи Монголо-Турковъ; и я думаю, что съ одной этой стороны она заслуживала вниманія нашего оріенталиста, какъ издателя и какъ комментатора. Лица дочингисханова времени, которыя кажутся ему историческими, рѣшительно всѣ баснословны, и потому-то именно важны они для исторіи: баснословность ихъ чрезвычайно характеристическая и можетъ подать поводъ къ весьма занимательнымъ сближеніямъ. Баснословіе вообще—исторія древняго міра, и въ этомъ отношеніи оно едва-ли не поучительнѣе исторіи людей, которой понапрасну въ ней искали и ищутъ любители фактовъ, увлекающаяся новѣйшими понятіями объ ихъ важности для